

нават сучасным навукоўцам у галінах права, гісторыі, этнаграфіі узмацніць сваю прававую культуру і пабудаваць свой непаўторны погляд на гісторыю права старажытнай Беларусі. У Статут увайшлі нормы дзяржаўнага права, чаго ў той час не было ў заканадаўчай практыцы іншых еўрапейскіх дзяржаў. Статут фактычна прадстаўляў сабой Канстытуцыю, ГК, КК, ГПК, КПК пад адной вокладкай. Структура статута, аднак, па мерках сённяшняга права, нязручная. Нягледзячы на прагрэсіўнасць Статута пераходным палажэнням і парадку змянення Статута прысвечаны толькі апошні артыкул. Відавочны ўплыў старажытнага Рымскага, Грэчацкага, Вавілонскага, Англа-саксонскага права. Падрабязнасць і яскравасць апісання амаль усіх аспектаў прававога жыцця краіны робяць Статут 1529 года непаўторным гістарычна-прававым помнікам Беларускай зямлі. Статутам карыстаюцца па сённяшні дзень, яго выкарыстоўваюць не толькі як каштоўны вучэбны матэрыял, але і як крыніцу для стварэння і удасканалення сучаснага права. Без яго існавання не ўяўляецца старажытная Беларусь, у мяне, напрыклад, ён асацыіруецца з праяўленнем найвышэйшай прававой думкі і з высокай якасцю яе рэалізацыі. Кожны разумее Статут парознаму, вакол яго заўсёды ідуць спрэчкі, аднак гэта і з'яўляецца галоўным паказчыкам геніяльнасці складальнікаў гэтага дакумента. Статут заставіў у гісторыі Беларусі непазбыўны след, які ніколі не знікне. Не было б гэтага Статута, не было б і статутаў 1566г. і 1588 г. Нават А. Міцкевіч гаварыў пра Статут 1529 года: «Такога закона не мела сярэднявяковая Еўропа...»

Літаратура

1. *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992.
2. *Доўнар Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 2008.
3. Интернет-адрес: <http://starbel.narod.ru/statut1529.htm>.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Д. В. Осика

Форма правления, как общепризнанный элемент формы государства в любой стране, позволяет выяснить содержание и механизм осуществления государственной власти, ее суверенитета и народовластия. При этом закрепление форм правления во многих странах характеризуется значительной динамикой.

Почти во всех конституциях указывается на принадлежность государства к той или иной форме правления, определение же данного институ-

та выработано конституционалистами и теоретиками права доктринальным путем [1, с.140]. Полагаем, значительным вопросом в исследовании конституционно-правового института формы правления является сам названный термин. При первом обращении к специальной литературе становится заметно, что определения и толкования формы правления могут существенно отличаться: встречаются краткие [2, с.282–283; 3, с.69] и сложные дефиниции; используются узкий и широкий подходы [4, с.139]; выделяются различные существенные признаки; акцентируется внимание на разных аспектах данного института. Полагаем, отсутствие единства в доктринальном понимании и детерминации формы правления во многом обуславливает разнообразие мнений относительно особенностей различных ее видов либо классификации ее в конкретном государстве. В свете неоднозначности понимания и полисемантичности термина «форма правления» представляется необходимым уточнение данной дефиниции, по крайней мере, в рамках одной конституционно-правовой школы. Исходя из того, что конституционное право в процессе изучения формы правления на уровне общетеоретического познания пребывает на стыке с общей теорией государства и права, а на эмпирическом уровне – с политологией [5, с.85], представляется возможным определять форму правления, используя информационную и методологическую базу названных наук. Исследуя форму правления в том или ином государстве, важно обращать внимание на такие характеристики, которые, как правило, не в полной мере находят своего конституционного закрепления. В то время как при определении формы правления принято учитывать только установленный порядок взаимоотношений между высшими органами государственной власти [6, с.807], отмечаем, что воплощение конституционных характеристик, как правило, зависит от реального конституционного строя и государственного режима, который может не совпадать с положениями основного закона [7, с.60].

Таким образом, мы определяем форму правления как комплексный конституционно-правовой институт, ведущий элемент формы государства, характеризующий способ организации и структуру высших органов власти, их соотношение, юридические и фактические принципы взаимодействия между ними, а также роль населения в их формировании.

Особое значение в теоретическом осмыслении феномена форм правления имеет вопрос об их типологиях. Проводя типологизацию форм правления в контексте науки конституционного права, особое внимание уделяется конституционализации форм правления. В данном случае конституционализация представляет собой закрепление на уровне конституционно-правовых норм концептуально обоснованных либо эмпирически

обнаруженных критериев типологизации. При этом конституциоанализация может одновременно служить и как средство закрепления определенных критериев, характерных той или иной форме правления, согласно предложенной типологии, и как средство обнаружения названных критериев для целей создания новой типологии. Исходя из приведенного определения формы правления, при выделении ее типов и отнесении государств к ним мы руководствуемся определенными нами классифицирующими признаками: наличие и степень реализации принципа разделения властей; источник легитимации государственной власти; способ замещения поста главы государства; является ли глава государства реальным или номинальным; является ли глава государства главой судебной власти; наличие права вето у главы государства; наличие института контрасигнатуры актов главы государства; какой государственный орган возглавляет исполнительную власть юридически; какой государственный орган возглавляет исполнительную власть фактически; наличие и способ формирования правительства; какой государственный орган возглавляет законодательную власть; наличие и способ формирования парламента; наличие и способ ответственности правительства; существующий в государстве политический режим; существующий государственный режим.

Относительно монархии, отмечаем, что традиционные признаки данного типа формы правления в современных условиях могут подвергаться некоторым корректировкам. Специфика источника государственной власти в парламентарной монархии, выводимая из анализа конституций парламентарных монархий, свидетельствует о том, что в ряде из них власть главы государства происходит от народа и по своей сущности является полиархичной (показательна ст. 33 Конституции Бельгии 1994 г.). Поэтому в настоящее время парламентарные монархии по своей сущности в известной мере эквивалентны парламентарным республикам, что позволяет определение парламентарной монархии уточнить таким важным, на наш взгляд, признаком, как реальный источник власти в лице народа. Следует отметить, что в рамках новых типологий данная форма правления может входить в одну группу с другими парламентарными типами, которые получают именование парламентских полиархий [5, с.123–177].

Республиканская форма правления в настоящее время также претерпевает значительные изменения. Так, признавая, что государственный режим смешанных республик близок к дуалистическому [8, с.201], приходим к выводу, что в них различном соотношении могут сочетаться тенденции к президентализации и парламентаризации последнего. Исходя из того, какая из названных тенденций преобладает в смешанной

республике, с определенной осторожностью соответственно можно выделить такие ее вариации, как президентско-парламентарная республика, сбалансированная (классическая) смешанная республика и парламентарно-президентская республика. Поэтому считаем возможным, например, классифицировать Российскую Федерацию как смешанную президентско-парламентарную республику, в которой ранее достаточно четко прослеживалась тенденция к дальнейшей президенциализации государственного режима. Однако после избирательных кампаний 2007–2008 гг. и принятия поправок к Конституции в 2008 г. появились некоторые основания говорить о частичной парламентаризации формы правления, что несколько приближает ее к типу сбалансированной смешанной республики. Нельзя не отметить также, что анализ конституционной реформы в Украине 2004 г., в ходе которой произошла непростая и несколько непоследовательная трансформация президентско-парламентарной республики в парламентарно-президентскую, демонстрирует важность и необходимость изучения современных закономерностей развития республиканской формы правления. Здесь уместно отметить и правоприменительную гибкость положений Конституции Республики Беларусь, которая как раз и позволяет в зависимости от сложившейся политической ситуации, не затрагивая самих норм, несколько модифицировать форму правления, варьируя ее между сбалансированной смешанной республикой и президентско-парламентарной республикой, тем самым, обеспечивая большую эффективность государственной власти.

Следует отметить, что знания о распространенных в мире формах правления содержат не только теоретическую ценность, но и позволяют выявить определенные закономерности, тенденции их развития, что представляется особенно актуальным в свете итогов избирательных кампаний 2007–2008 гг. в Российской Федерации, новейших конституционных реформ во Франции и России (2008 г.), Украине (2004 г.), а также некоторым различием взглядов относительно характера республиканской формы правления в Беларуси. Этим обосновывается необходимость дальнейшего комплексного исследования института формы правления с позиций конституционно-правовой науки.

Литература

1. *Чиркин В. Е.* Государствоведение: Учебник. М.:Юристъ, 1999.
2. *Чудаков М. Ф.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Мн.:Харвест, 1998.
3. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права: Учебник. СПб.: Питер, 2004.
4. *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ, 2002.

5. *Бостан С. К.* Форма правління сучасної держави: проблеми історії, теорії, практики. Монографія. Запоріжжя: Юридичний ін-т, 2005.
6. Большой юридический словарь. Под. ред. проф. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2008.
7. *Приходько Л. А., Кондратович Н. М.* Современные формы правления и государственные режимы в зарубежных странах // Сб. научн. трудов «Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики». Мн.: БГУ, 2005. С. 53–65.
8. *Алебастрова И. А.* Конституционное право зарубежных стран. М.:Юрайт-М, 2001.

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ

Е. Э. Педо

Одной из главных задач любого государства является построение эффективной системы национального законодательства, под которой следует понимать соотношение между фактическим результатом действия нормативных правовых актов и теми социальными целями, для достижения которых они были приняты [6, с.124]. Актуальными проблемами современного состояния правовой системы Республики Беларусь, с которыми сталкивается правоприменительная и правотворческая деятельность, остаются проблемы стабильности законодательства, устойчивости и надёжности правового регулирования, коллизии норм, дублирование нормативных предписаний.

Прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов занимает важное место среди средств, способствующих достижению эффективного регулирования общественных отношений. В п.16 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утверждённой Указом Президента от 10.04.2002 г. № 202, установлено, что принцип научности нормотворческой деятельности, направленный на обеспечение стабильности системы законодательства, включает в себя прогнозирование экономических, финансовых, социальных, экологических и иных последствий принятия нормативных правовых актов [2]. Прогнозирование предполагает исследование разрабатываемого акта, его текста на предмет предположения о будущем состоянии регулируемых отношений, которое будет вызвано его принятием. Предположение о возможном поведении субъектов общества по отношению к принятому нормативному правовому акту охватывается не только юридической теорией, но и входит в сферу социальных исследований.

Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов имеет ряд схожих признаков с прогнозом и является комплексным исследованием нормативных предписаний. Её функционирование направлено на выявление положений, имеющих криминогенный характер,